

У меня такой большой живот, что я даже ног не вижу, но мне все равно. Я все равно лежу на спине. Люди вокруг меня улыбаются, а мне так чертовски больно, что хотелось бы, чтобы они меня вырубали. Прямо сейчас я направляюсь на операцию, и я действительно беспокоюсь из-за парня, который сделал это со мной. Прежде чем они оттащили меня от этого убудка, он лежал на полу и совсем не двигался. После операции со мной все будет в порядке, а вот что с ним, я не знаю. Он не сможет смириться с этим. Вся эта болтовня о мачо вылетает в окно, когда люди слышат, что это он отрубился на полу, а я, по крайней мере была в сознании, когда он упал.

Бьюсь об заклад, прямо сейчас у вас в голове возникла неправильная идея, не так ли. Это просто показывает, что если вы что-то неправильно сформулировали, то у людей возникают совершенно разные представления о том, что на самом деле происходит.

Позвольте начать с самого начала, чтобы я могла прояснить свою историю.

Меня зовут Мона Мэтьюз. Раньше я была Моной Фуллертон, но вышла замуж. Если бы вы видели меня три года назад, то никогда бы не подумали, что я когда-нибудь вообще выйду замуж.

Три года назад мне было двадцать два года. Это был мой второй и последний курс колледжа. Я знаю, вы думаете, что в двадцать два года мне следовало бы учиться на четвертом курсе или, по крайней мере, на третьем. Позвольте мне кое-что вам объяснить. Когда я росла, то не являлась частью одной из тех идеальных супружеских семей.

Моя семья, Фуллертоны, состояла из моей матери, моего отца, моего брата Томми и меня. Мама сбежала с ловким продавцом со сладким голосом, прежде чем мне исполнилось пять лет. Насколько я понимаю, он говорил ей, что она красива и заслуживает большего, чем мог ей дать мой отец. Предполагалось, что он должен много ездить, и он это делал. Он взял ее с собой в Нью-Йорк. Он взял ее с собой в Лос-Анджелес и, наконец, взял ее с собой на кладбище.

Оказалось, что он зарабатывал даже меньше, чем мой отец, но, в отличие от последнего, он ей изменял. Он был одним из тех парней, для которых одной женщины всегда было мало. Когда он увидел мою маму, то должен был ее заполучить. Каждый парень, видевший мою маму, хотел ее. К сожалению, они хотели ее только временно. Сиськи моей мамы входили в комнату как минимум на две секунды раньше, чем остальная ее часть.

Большинство парней, увидев их, временно сходили с ума. Продавец ничем не от них отличался. Моя мама и впрямь думала, что может иметь любого парня, которого захочет. Ее мнение о себе не было основано на реальности. Она не была такой уж красивой. Я должна это знать — я выгляжу точно так же, как она. Это была невысокая плотная женщина с большими сиськами и манией величия. И я такая же, за исключением мании величия.

Как бы то ни было, когда она узнала, что этот парень гуляет от нее, было уже слишком поздно. Она застряла в другом состоянии, и у нее было слишком много гордости, чтобы позвонить моему отцу, чтобы тот пришел и забрал ее. Это было еще более глупо потому, что мой отец бросился бы за ней в одно мгновение.

Вы спросите, зачем бы он это сделал? Все просто: он любил эту сучку. Мой папа изо всех сил

старался обеспечить еду на столе и крышу над нашими головами, но моей маме этого никогда не хватало. Она думала, что имеет право на все лучшее в жизни, хотя сама никогда не работала и почти не бывала дома. К четырем годам я знала все пункты из меню «Макдональдс», потому что она всегда звонила моему отцу и говорила, что слишком устала, чтобы готовить, поэтому ему придется что-нибудь принести домой. Думаю, именно поэтому я была такой плотной. Позже я стала намного стройнее, потому что лучше ем и больше тренируюсь.

Даже после того, что она сделала с ним, убежав с другим мужчиной и оставив его с двумя детьми, чтобы растить их одному, мой папа принял бы ее обратно. Он так сильно любил эту женщину, что сделал бы для нее все и вынес бы любое унижение только для того, чтобы сделать ее счастливой. Что за лох?!

Как бы то ни было, продавец продолжал заглядываться на женщин. Такой человек никогда не перестает искать чего-то нового. Менее чем через год после того, как она ушла от нас, он уже познакомился с другой женщиной, и они постоянно ссорились. Мой брат Томми однажды рассказал мне об этом. Он знал это, потому что как-то она позвонила домой и спросила Томми, дома ли мой отец. Мы полагаем, она пыталась обмануть продавца, заставив его подумать, что вернется домой.

Томми сказал, что продавец сказал ей убирать свою жирную задницу из его дома. Он все равно устал ее трахать, и у него уже есть кое-кто новый. Это все, что Томми услышал, прежде чем она начала умолять его остаться и положила трубку. Во всяком случае, вероятно, это произошло как раз в тот самый день. Наверное, потому, что мы узнали об этом на следующий день.

Оказалось, что на этот раз продавец не солгал. Он трахался с кем-то другим. И та, как и моя мама, в то время была замужем. Только новая женщина была замужем за одним из этих бандитов. Кто-то выбил ногой дверь, в тот момент как мама вместе с продавцом ели, и несколько раз выстрелил в них обоих. Продавец получил урок о том, как трахать не ту женщину, а мама просто оказалась не в том месте и не в то время.

В то время я не совсем понимала, что произошло. Когда она ушла, мне было всего четыре года. Я скучала по ней несколько дней, но на этом все. Меня все еще любили, одевали и кормили, так что, жизнь продолжалась. Когда я стала старше и услышала об этом, то решила никогда не делать того же самого. Мой брат Томми присоединился к морской пехоте и ушел от нас, когда ему исполнилось восемнадцать. С тех пор я не видела и не слышала о нем. Мой папа едва прожил до того как мне самой исполнилось восемнадцать. Он пытался напиться до смерти, с тех пор как мама ушла от нас, и через две недели после моего восемнадцатого дня рождения потерял сознание.

Врачи были поражены тем, что он прожил столько времени. Его печень была настолько разрушена большим количеством алкоголя, который он пил каждый вечер, что последние пару лет он, должно быть, испытывал постоянные боли. Я лично надеюсь, что жизни после смерти не существует. Мой папа слишком хороший мужчина, чтобы воссоединиться с этой сукой после смерти. А я уверена, что он на это надеялся.

Во всяком случае, я переехала к своей тете. Та была сестрой моего отца и ненавидела мою мать так же сильно, как и я. К сожалению, как я уже сказала, я очень похожа на нее, и уверена, что тетя Салли видела мою мать каждый раз, когда смотрела на меня.

У тети Салли было два сына. Один был старше меня, ему было двадцать лет, а второй в свои восемнадцать был моим ровесником.

Они оба постоянно пытались заловить меня без одежды или тайком пощупать. И они были моими кузенами. Когда я рассказала об этом своей тете, она сразу же обвинила меня. Она обвинила меня в том, что я выставляю свою грудь, чтобы соблазнить двух ее драгоценных ангелов. Думаю, она подумала, что мои злые сиськи каким-то образом выскакивали и прижимались к двум ее невинным сыновьям.

Она была уверена, что я закончу так же, как и моя мать. Тогда я поняла, что оставаться там надолго — не вариант. Я устроилась на работу в семейный магазин товаров повседневного спроса недалеко от дома моей тети. Для первой работы это было неплохо. Работать с их мамой было жестко, она ждала, что я все сделаю. Приходилось бегать за прилавком, заполнять полки, подметать полы и делать все, что она могла придумать. Намного лучше было работать с папой. Он часто давал мне небольшие премии и доплаты и почти ничего не заставлял делать.

Папа относился ко мне очень хорошо. Он всегда обнимал меня, когда его жены не было рядом, а для восемнадцатилетней девушки я была довольно наивна. Когда я пробыла там какое-то время, папа начал покупать мне подарки. Обычно он говорил, что кто-то вроде меня заслуживает красивых вещей. Я и не подозревала, что этот папа меня подставляет. Он не спешил с этим, но меньше чем через год папа получил мою девственность. Я думала, что влюблена, и думала, что папа тоже меня любит, до того вечера, когда мама застала нас в кладовке. Папа поклялся, что это я соблазнила его и дразнила сверх всех разумных ожиданий. По его словам, я всегда наклонялась и шевелила задницей перед его лицом или показывала ему свои сиськи. Естественно, мама ему поверила, и я ушла м историю. И, конечно же, тетя поверила им, когда позвонила и спросила, почему меня уволили.

Следующей моей работой было то же самое на заправке. Единственная разница заключалась в том, что станцией владели три брата. На этот раз я знала, что мне нужна работа. Я хотела съехать от тети. Она заставляла меня каждое воскресенье ходить в церковь и проводить там весь день. В то же время у меня никогда не было свободного времени, потому что я всегда работала, убирала ее дом или готовила. Я чувствовал себя рабыней.

Один из церковных активистов спросил меня, почему я не в школе. Сначала я подумала, что это его спекуляция. Учеба в школе была его способом сделать что-то для меня, чтобы он смог меня трахнуть. К тому времени я обнаружила, что парни — владельцы АЗС — занимались как раз этим самым, так что, как это могло повредить?

Он заставил меня заполнить много документов о финансовой помощи и подал их. К моему удивлению, он обеспечил мне стипендию для нуждающихся. Она оплачивала обучение, книги, проживание и питание, пока я удерживала свои оценки на определенном уровне. Я вообще-то не знала, что хочу изучать. Я думала о бизнесе, что, может быть, смогу устроиться секретарем или что-то в этом роде. Все думали, что это — хорошая идея. Но когда я подумала о такой работе еще раз, то возненавидела ее. В качестве работы секретаря я всегда видела начальника, который хотел бы склонить меня над своим столом. Моя работа никогда не была бы связана с моими навыками, поэтому мне пришлось придумать что-то другое.

В конце концов, я решила изучать автомобильное дело, потому что, работая на заправке, я обнаружила, что мне нравятся автомобили. Мои начальники на заправке думали, что это чертовски смешно. Моя тетя посмотрела на меня и посоветовала выбрать что-нибудь другое,

потому что я, якобы, выбирала эту область карьеры, просто чтобы все время быть среди мужчин. Она еще больше убедилась, что я пытаюсь пойти по стопам мамы.

Она сказала мне, что у меня есть два варианта: выбрать другое поле деятельности или съехать из ее дома. Она не знала, что получив проживание и питание, я все равно перееду и гораздо раньше, чем она ожидала. На самом деле я планировала уехать на следующий день. Я должна была быть там на дне открытых дверей для первокурсников и чтобы закрепить за собой комнату в общежитии. В конце концов, я сказала ей отсосать. Я использовала именно это слово. К сожалению, она не поняла, что оно значит.

Мои начальники, конечно, были очень недовольны моим уходом. Не потому, что не смогли бы меня заменить. Я была уверена, что на моем месте будет одна из их дочерей или племянниц, так что, сиденье еще не успеет остыть от моей задницы, когда в него сядет кто-нибудь. Но это означало конец свободным для них кискам.

Мой первый год в колледже был нелегким. Я плохо училась в старшей школе, поэтому мне приходилось посещать много восстановительных занятий. В тот первый год в моем расписании не было технических курсов. Все, что я посещала, это такие предметы как: английский, история, психология и математика. У меня не было ни алгебры, ни тригонометрии, потому что мои оценки по математике были настолько низки, что мне требовалось получить базовую оценку по математике, прежде чем меня допустили бы на курс уровня колледжа.

Моя соседка, конечно же, происходила из семьи, принадлежавшей к высшему среднему классу из пригорода. Она познакомила меня с выпивкой и вечеринками. Первый учебный год я закончила на испытательную стипендию. Испытательная стипендия — это не то же самое, что академическая. Все мои оценки были на твердой тройке. Некоторые из них были заработаны тяжелым трудом, когда я проламывалась сквозь книги и изо всех сил старалась расширить свой мозг.

Остальные я заработала, расстегивая блузку и обнажая грудь. К черту английский, мне все равно, где там ставятся запятые. Да и вообще, кто вообще использует точки с запятыми?

Несмотря на то, что я еще не ходила ни на один из технических курсов, в конце учебного года у меня были каникулы. Один из инструкторов программы опций для малого бизнеса предлагал специальную летнюю программу. Она означала работу ассистентом: подготовку машин к летним автосалонам и гонкам. Это означало, что требовалось много мыть машины, натирать их воском и еще проделывать комплекс высокотехнологических операций, нацеленный на тщательный полный уход за автомобилем. Были также некоторые поездки, связанные с доставкой автомобилей в разные места по всей стране.

Я подала заявление, и моя соседка посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— Какого черта ты хочешь проводить лето за мытьем машин? — спросила она у меня. — Там даже платят не очень много.

На самом деле там платили всего пятьдесят долларов в неделю. Но программа включала также проживание и питание. Это означало, что я могла все лето жить в общежитии, плюс у меня было бы пятьдесят долларов в неделю, чтобы начать что-то откладывать. Для меня она была находкой, потому что, если я не получу ее, мне придется вернуться к своей тете, а я была уверена, что к тому времени она поймет, что значит «отсоси».

Я подавала заявки три раза. К тому времени, как я заполнила третью, меня остановила

секретарь, перед тем как я ушла, и сказала, чтобы я зашла в офис. Со мной хотел поговорить ее босс.

Это был первый раз, когда я увидела Брэндона Мэтьюза. Он был одним из профессоров программы автодела. Надеюсь, в следующем семестре у меня будет один из его курсов.

— Привет, Мона, — сказал он и улыбнулся. Я была потрясена. Он ведь смотрел мне в глаза, а не на сиськи. Если бы я знала, что буду у него в офисе, то, наверное, надела бы что-нибудь с более глубоким декольте. «Может, он их не видит?», — подумала я, и поэтому слегка двинула плечом. Но это не возымело никакого воздействия.

— Мона, я уже получил от тебя две заявки, — сказал он. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не подала еще одну.

— Мне очень жаль, — сказала я, — но на самом деле я очень хочу это сделать.

— Зачем? — спросил он. — Летом можно заработать больше, работая в Бургер Кинг.

— Но тогда у меня не будет никаких дел с машинами, — сказала я. — К тому же, если вы посмотрите на картину в целом, я буду зарабатывать больше, но и мои расходы станут выше, к тому же, я не смогу путешествовать. С этой же программой я могу работать с автомобилями, а это плюс. Я могу жить в общежитии и питаться в кафетерии, это тоже плюс. Для меня это — лучшая ситуация.

— Хорошо, Мона, — сказал он. — Обычно я стараюсь подбирать для того, с чем работаю, парней, но я восхищен твоей настойчивостью и тем фактом, что ты сказала, что работа с автомобилями — это плюс. Я не могу принимать никаких решений до следующей недели. Но если ты обещаешь больше не приставать ко мне с заявлениями, ты — в команде.

Я была так счастлива, что думала, что взорвусь. И только гораздо позже осознала, что для меня это было действительно особенным. Я пришла домой и сказала своей соседке по комнате, что я — в команде.

— О, да, — сказала она, — тебе предстоит провести лето в качестве обезьяны для мытья. Кто знает, может быть, к следующему году ты будешь повышена до обезьяны для смазки.

— А что насчет следующего года? — спросила я. Даже ее сарказм не мог испортить мне настроение.

— Дерьмо к следующему году, — сказала она. — Все предварительные мероприятия будут закончены; ты станешь полноценной обезьяной-механиком. — Она засмеялась, но мне это не показалось смешным. И все же, для меня во всей этой ситуации было просто волшебство. Мне не требовалось возвращаться в дом моей тети. Мне не нужно было работать на заправке или в круглосуточном магазине, где приходилось бы трахать какого-нибудь парня, чтобы сохранить работу, и я была в безопасности как минимум еще один год. До меня долго не доходило, что мистер Мэтьюз посмотрел на меня и выбрал на основании чего-то другого, нежели моя грудь или секс со мной. Он дал мне эту работу потому, что я добивалась ее, я была настойчива в этом, и он видел, что я действительно хочу этим заниматься.

То лето было для меня волшебным. Впервые в жизни я стала частью команды. Все остальные члены ее были парнями. Удивительно, но ко мне относились с уважением. Это было одно из самых странных переживаний в моей жизни. Он был похож на путешествие с семьей братьями. Только эти парни обращались со мной намного лучше, чем когда-либо мой настоящий брат.

Не поймите меня неправильно, все они были настоящими парнями. Это можно было понять

по тому, как они относились к девушкам из автосалона и как говорили о них. Для меня было обычным делом, разыскивая воск или расходники, подходить к ним сзади и ловить обрывки разговоров о девушках.

Я слышала: «Чувак, ты видел, как попка Мелиссы выскакивает из этих шорт?», а другой парень отвечал. «Забудь о ее заднице, я бы сосал эти сиськи целыми днями». Затем, как только видели, что к ним иду я, они быстро возвращались к разговору допустимому для девушек. «Привет, Мона», — говорили они оба с широкими улыбками. — «Тебе нужна помощь?» Или «Мона, если я вымою эту машину, ты ее отполируешь?»

Я была, наверное, лучшим мастером по полировке в команде. Руки ребят были слишком велики, чтобы попасть внутрь кривых для некоторых мелких деталей. И еще был тот факт, что они слишком торопились, выполняя работу. Я не любила торопиться и получала удовольствие, водя руками по машине. Если бы меня не беспокоили, я могла бы полировать воск часами. Я просто была бы в своем маленьком мире.

Они действительно могли бы использовать то лето как один из тех фильмов о сексе для молодежи. Все, что им было нужно, — это психически больной убийца, чтобы начать убивать модели автошоу, и был бы полный хит. Когда мы переезжали от показа к показу и от штата к штату, ребята много трахались. Раньше это были женщины, которые приходили на шоу и были впечатлены автомобилями и очарованием показа. Но поскольку мы продолжали проводить одни и те же показы с участием множества моделей из автосалонов, ребятам везло и с ними. Это на самом деле не срабатывало так, как вы ожидали. Большинство из этих женщин были профессиональными моделями и действительно хорошими девушками, но они должны были ставить на первое место свою карьеру, а средний парень просто не способен спокойно смотреть, как его девушка или кто-то, на кого он пытается претендовать, выставляет себя перед кучей других парней на регулярной основе.

Заметьте, я сказала, что большинство этих женщин были профессиональными моделями и на самом деле хорошими девушками. Но были также некоторые, что были просто откровенными моделями-шлюхами, трахавшимися со всем, что не было прибито, особенно если это давало им шанс на несколько долларов или на фотосессию. Эти девушки разбили много сердец и смеялись над этим. Но большинство из них заработало репутацию стерв, и к середине лета ни один из парней уже не трогал их, из-за чужих членов.

Итак, я оказалась среди всей этой распутной жизни, когда со мной обращались как с Ребеккой с фермы Саннибрук. К середине августа я была чертовски возбуждена. Я задавалась вопросом, почему трахаются все, кроме меня. Конечно, у меня никогда в жизни не было настоящего парня, но я достаточно привыкла к регулярному сексу. И хотя на самом деле я никогда не брала на себя инициативу и не искала его, но как бы скучала по нему.

Поэтому я спросила об этом одного из моих лучших друзей по туру, Джо Симпсона.

— Джо, я знаю, что я — не такая красивая как модели, — начала я. — Но я и не совсем тролль, и у меня красивое тело. Может, я не сложена так, как эти модели, но все что у меня есть — настоящее и имеет гораздо меньший пробег. Почему никто на меня не западает?

Мы с Джо всегда могли поговорить о чем угодно. Он так быстро отвернулся от меня, что мне показалось, что кто-то привязал веревку к его голове и дернул за нее.

Потребовалось много подстрекательства и попрошайничества. Он уверял, что поклялся хранить все в секрете, но потом сказал правду. Я нравилась многим ребятам из турне. И многие ребята, приходившие на шоу, тоже спрашивали обо мне, особенно те, кого

отталкивали высокомерие покрашенных моделей, и кто хотел чего-то настоящего. Но еще до начала тура с ребятами поговорил профессор Мэтьюз и посоветовал им относиться ко мне как к его дочери. Мало того что им всем запретили касаться меня руками, им было приказано следить за тем, чтобы никто другой тоже этого не делал.

Все любили профессора Мэтьюза, поэтому сделали бы это для него только по его просьбе, но он также ясно дал понять, что если кто-то не последует его правилам в отношении меня, они закончат свою карьеру, потому что он не только не даст им рекомендации, но и всегда будет давать отрицательные отзывы о них и их навыках, когда бы о них ни спросили.

Итак, если сложить два и два, можно понять, почему у меня было очень одинокое лето. Большинству парней нравился Мэтьюз, а доступных кисок было слишком много, чтобы кто-то рискнул связываться со мной.

Джо сказал мне, что я серьезно влияла на многих ребят во время тура.

— Мона, иногда, когда ты моешь машину в майке или футболке и наклоняешься над ней с этими большими прекрасными сиськами, пытающимися выскочить из твоей рубашки, мне приходится идти в душ, — сказал он. — Ты не похожа на модели. Большинство из них — крошечные девочки с фальшивыми сиськами, которые просто не двигаются, как твоя. У этих девушек больше пластика в теле, чем у машин, и почти столько же краски. Их улыбки фальшивы, как их сиськи. Но иногда я смотрел, как ты растираешь воск, и как движения твоих рук заставляют твою задницу покачиваться или, что еще хуже, как выступают соски. Говорю тебе, если бы не боялся того, что Мэтьюз сделает с моей карьерой, я бы тебя трахнул.

Самым забавным было то, что после разговора с Джо я больше не была возбуждена. На самом деле все стало наоборот. Я начала понимать, что парни, которых я считала братьями, были такими же плохими, как и все остальные. Я сомневалась насчет них, потому что они не предпринимали никаких шагов против меня, и потому что мы разделяли любовь к автомобилям. Но на самом деле они были такими же плохими, как и другие парни, а может, и хуже. Вокруг этих парней было столько горячих, доступных женщин, что большинство из них вообще женщин не ценило. Для них хорошая машина была чем-то таким, что нужно лелеять, и о чем нужно заботиться, но женщины были просто еще одним товаром, который можно было использовать и выбросить, когда с ней покончено, вроде геля для шин или автомобильного воска.

Все больше и больше мои фантазии обращались к единственному мужчине, который всегда относился ко мне лучше, чем просто к женщине. К сожалению, он был для меня худшим человеком в мире, на котором можно было зацикливаться.

Я считала профессора Мэтьюза дураком. Он был совсем как мой отец. Он был так увлечен своей женой, что ничто не могло их поссорить. Он даже не ездил вместе с туром. Он просто прилетал на главные показы, потому что не мог достаточно надолго оторваться от этой сучки. Она приезжала с ним на пару главных показов. Я возненавидела ее с первого же взгляда. Ей ничего не нравилось, и она ничего не знала об автомобилях. Мне даже не понравилось, как она выглядит. Она была худой до истощения. Как одна из тех бывших подиумных моделей. Рядом с ней девушки из автошоу выглядели инопланетянками. Она была настолько загорелой, что гляделась почти черной, а вся ее одежда выглядела так, будто была прямым из журнала. Даже на ее туфлях имелись узоры, и она всегда выглядела так, будто ей все до смерти надоело.

Думаю, если быть честной, я, вероятно, просто завидовала ей, потому что Брэндон Мэтьюз

следовал за ней, как потерянный щенок, ловя каждое ее слово. Я надеялась, что он закончит лучше, чем мой отец. К счастью, мне не приходилось видеться с ней очень часто, и лето закончилось, а вместе с ним и тур. Я вернулась в колледж и больше не сталкивалась с мистером Мэтьюзом.

Мой второй год в колледже был катастрофой. Другого слова не описать. Как я уже сказала, я была на стипендии. Мне требовалось повысить свои оценки или лишиться стипендии. Я старалась, очень старалась, но моя академическая база в средней школе была ужасной. Было просто слишком много того, что большинство студентов знало, а я — нет. Когда в январе закончился семестр, мою стипендию не возобновили. Единственным выходом для меня стало устроиться на работу и попытаться оплачивать себя самостоятельно.

Мои курсы оказались намного дороже, чем я думала. Добавьте к этому тот факт, что внезапно у меня возникло больше расходов, чем я когда-либо могла себе представить, и вы начнете видеть проблемы, с которыми я столкнулась. В двадцать два года я никогда не была на самообеспечении. То, что могло показаться хорошими деньгами, когда я работала на заправке и жила с тетей, было совершенно недостаточно, чтобы прокормить себя и по-прежнему ходить в колледж. Даже когда у меня была соседка по комнате, мне иногда приходилось выбирать между выплатой своей доли арендной платы и наличием достаточного количества денег, чтобы купить еду. Я даже начала скучать по тете. Даже мириться с моими кузенами было бы легче, чем то, что мне пришлось перенести.

К весне моя соседка по комнате покинула меня, а я не могла себе позволить арендную плату. У меня оставалось достаточно денег на еду, но я не накапливала их, и мне негде было остановиться. Я пыталась найти другую работу, но в кампусе колледжа, где каждый студент ищет работу по совместительству, просто не хватало рабочих мест.

Я подумала, что, наконец, получила облегчение, когда, выходя из бара, со мной столкнулся один из тех парней, с которыми я работала в команде прошлым летом. Он снимал квартиру за пределами кампуса и сказал, что я могу некоторое время переспать на его диване.

Я думала, что мне повезло. Я решила, что буду содержать его квартиру в чистоте и готовить для него неделю или две. Это позволило бы мне сэкономить пару чеков. Я могла бы использовать эти деньги, чтобы снять собственную квартиру, а затем найти хорошую соседку по комнате.

Он тоже думал, что ему повезло. Его не интересовала готовка для него еды или уборка его квартиры. Он стал делать мне намеки и прижиматься ко мне. Наконец, он просто сказал, чего хочет. На первых порах я начала упираться.

— А как насчет того, что тебе сказал профессор Мэтьюз? — спросила я.

— Мэтьюз больше не имеет значения, — ухмыльнулся он. — Он — пьяница, и хуй с ним. Он едва помнит свою дорогу в класс или в лабораторию.

Это повергло меня в шок. Я заумалась об этом. На самом деле я его давно не видела.

Интересно, что могло выбить его из колеи? В глубине души у меня была идея, но я надеялась, что ошибаюсь.

Я сдалась и позволила парню получить желаемое. правах был указан адрес. Я знала, где находится его дом, довольно смутно, но адрес помог. Я полезла в другие его карманы, пока не нашла ключи. На кольце висел брелок от машины. Я нажала кнопку сигнализации и ничего не услышала. Я пробежала до конца переулка и попробовала еще раз. И тут я услышала звук

«чирик-чирик». Я огляделась и нашла машину, издающую звук. Это был красивый черный Мустанг ЖиТи. Я села в машину и завела ее. Я никогда раньше не водила такой машины. Я вымыла несколько сотен таких за лето, но водить ее — совсем другое дело. Я вывела зверя в переулок и затащила Мэтьюза на пассажирское сиденье. Затем я вывернула из переулка и направилась к главной дороге. В то время как Мэтьюз храпел на сиденье рядом со мной, я заметила кое-что, что могло мне помочь. В машине была навигационная система. Я включила ее, посмотрела на его сохраненные места и выбрала адрес «дом», получив маршрут. Я последовала указаниям и подъехала к дому Мэтьюза. Это было красивое двухуровневое ранчо. Я подъехала к подъездной дорожке, поднялась и позвонила, чтобы открыла его жена. На самом деле я не собиралась спорить с ней или объяснять, почему привезла ее мужа домой пьяным. Но после целых пяти минут, когда она не подходила к двери, я поняла, что, вероятно, ее нет дома.

Я вытащила Мэтьюза из машины и, обняв одной рукой, повела к крыльцу. Он спотыкался и пару раз упал, но, наконец, я затащила его в дом. Я положила его на диван и вернулась, чтобы запереть машину.

Я осмотрелась внутри дома, пока не нашла шкаф для белья, и принесла одеяло, чтобы укрыть его. В доме было холодновато. Не то чтобы не было электричества, скорее, обогреватель выключили на ночь. Я огляделась вокруг и, наконец, осознала, что мы одни. Я решила, что заслужила хотя бы право поесть чего-нибудь и место для ночлега: в конце концов, мне удалось доставить его домой. Сам по себе он не мог бы управлять этой машиной, не убив кого-нибудь.

С другой стороны, даже будучи пьяным, он спас меня от группового изнасилования. Так что, может быть, мы даже были квиты.

Я посмотрела в холодильник и была удивлена. Холодильник был почти пуст, если не считать кучи готовых блюд для быстрого разогрева и разных заморозок. Интересно, почему они тут не готовят? Его жена, вероятно, не умеет готовить. Она определенно не домашнего типа.

Я нашла лазанью Стоуфера на одну порцию и теплую коку и молча поела, а затем присоединилась к спящему Мэтьюсу в гостиной.

Когда я проснулась на следующее утро, он все еще спал. Я взяла ключи со стойки, на которой их оставила, и поехала по улице в магазин. Купила дюжину яиц, буханку хлеба, пачку бекона и немного маргарина. Когда ехала обратно по улице к дому, увидела пожилую женщину с другой стороны улицы, смотревшую на меня, когда я входила внутрь. Я помахала ей рукой, и она быстро захлопнула дверь.

Я начала убираться на кухне, а затем стала готовить завтрак. Я приготовила яйца на плите, а бекон — в микроволновке, а также начала варить кофе. Я позвонила на работу и сказала своему боссу, что накануне вечером на меня напали и, вероятно, меня не будет. Его это устраивало. Я знаю, что он просто предоставит девушке, которую трахал, лишние часы. Это была беспроигрышная ситуация. У него больше киски, у нее больше часов и, следовательно, больше денег, а у меня больше времени с Мэтьюзом.

Вероятно, его разбудил запах готовящейся еды. Но более чем вероятно, что это была моя почти беззвучная попытка выбросить весь его алкоголь. У пьяных есть какой-то особый радар, когда дело доходит до звука встряхивания или перемещения их бутылок с алкоголем. Он в замешательстве поплелся на кухню.

— Как я попал домой? — спросил он.

Потом в шоке посмотрел на меня.

— О, пожалуйста, скажи мне, что я не... — сказал он. — Подожди... Я же все еще одет.

— Нет, профессор, — сказала я, — вы не сделали ничего плохого. Фактически, прошлой ночью вы меня спасли.

— Я знаю тебя, не так ли? — сказал он. — Но ты не из моего класса. Ты — Мона, верно?

— Вчера вечером вы сказали обо мне кое-что интересное, — ухмыльнулась я. — Но я восприняла это как комплимент.

Он отвернулся.

— Почему бы вам не пойти и не принять душ? — сказала я. — Завтрак почти готов.

Он кивнул и стал заглядывать в шкафы.

— Мне необходимо выпить, Мона, — сказал он.

— Нет, — ответила я, — вам необходимо принять душ, а потом прийти и позавтракать вместе со мной. — Он кивнул, как ребенок, и начал подниматься по лестнице.

Я закончила готовить завтрак и накрыла на стол. Спустившись по лестнице, он сел за стол напротив меня. Он побрился, умылся и надел свежую одежду, выглядя намного лучше.

— Мона, спасибо за... за все, — сказал он.

Я улыбнулась ему и кивнула. Он поел и снова посмотрел на меня.

— Все было действительно вкусно, — сказал он.

— Судя по всему, вы просто голодны, — сказала я.

— Мона, что случилось прошлой ночью? — спросил он.

— Вы имеете в виду между нами?... — спросила я. — ... Или хотите всю историю?

— Давай полный пакет, — сказал он, — но говори тише. Ты знаешь, насколько громкой и энергичной ты становишься, когда волнуешься? — Это был шаг вперед. Он начал что-то вспоминать.

— Об этом вам не придется беспокоиться, — сказала я ему.

Мне было нечего особо волноваться. Я рассказала ему всю историю моих последних нескольких месяцев, начиная с потери стипендии, и обо всем, что привело к этому моменту, во всех деталях. Он только покачал головой.

— Кто они? — спросил он о парнях с прошлой ночи. — Ты помнишь кого-нибудь из них?

— Я, наверное, смогу их найти, — сказала я. — Но в чем смысл? Их неприятности не улучшат моей жизни. И, благодаря вам, ничего серьезного не произошло. Да даже если бы они и преуспели, то всего лишь взяли бы силой то, что другие брали с помощью принуждения. Вы знаете, мистер Мэтьюз, до сего момента моей жизни, я не думаю, что когда-либо занималась сексом потому, что сама хотела этого. — Он странно посмотрел на меня. — Думаю, мне придется пересмотреть то, что я думаю о своей матери. — Он бросил на меня еще один странный взгляд.

— Так, что дальше, Мона? — спросил он. Теперь настала моя очередь взглянуть на него.

— А? — спросила я.

— Каков следующий шаг в твоём плане завоевания мирового господства, Мона? — улыбаясь спросил он.

— У меня нет плана, — тихо сказала я. — Я просто все придумываю по ходу дела.

— Сколько ты зарабатываешь на своей работе? — спросил он.

— Семь пятьдесят, — сказала я.

— Вау, — сказал он. — Это брутто или нетто? — Я с непониманием посмотрела на него.

— Это то, что ты получаешь до уплаты налогов или то, что идет в карман? — спросил он.

— Полагаю, до налогов, — сказала я почему-то.

— Значит, это все еще от пяти до пяти пятидесяти, верно? — спросил он. — Это намного больше, чем я могу себе позволить.

— Что вы имеете в виду, мистер Мэтьюз? — спросила я.

— Что ж, Мона, у меня была идея, — сказал он. — На самом деле пара идей, но ты выходишь за рамки моего ценового диапазона. Какого черта ты вообще учишься в колледже, если зарабатываешь такие деньги?

— Мистер Мэтьюз, вы со мной шутите? — спросила я. — Семь долларов пятьдесят центов в час — это совсем не хорошие деньги.

Он начал смеяться. Затем передал мне телефон.

— Я думал, ты говоришь о семистах пятидесяти долларах в неделю, — сказал он. Я тоже засмеялась. — Позвони своему боссу, — сказал он.

Я набрала номер.

— Гудок идет? — спросил он.

— Он только что ответил, — сказала я.

— Скажи ему, что увольняешься, — сказал он.

— Я не могу этого сделать, — сказала я, повесив трубку. — Вы знаете, как трудно найти работу в наши дни?

— Мона, тебе не нужна работа, — серьезно сказал он. — Тебе нужна жизнь. Я предлагаю тебе два варианта. План А: ты переезжаешь сюда ко мне и будешь заботишься обо мне, работая по дому. Пока что твоя проблема в том, что ты не можешь найти работу, за которую платят достаточно, чтобы ты могла и платить за квартиру, и есть, и оплачивать непредвиденные расходы, верно? Здесь у тебя будет жилье и питание, плюс я буду платить тебе сто пятьдесят долларов в неделю, которые ты сможешь использовать, чтобы купить все, что захочешь, или копить на возвращение осенью в колледж. Зимне-весенние курсы все равно почти закончились. — Я посмотрела на него, как на сумасшедшего, мой рот просто открылся, но я ничего не могла сказать.

— План Б, — сказал он. — То же самое, но вместо того чтобы давать тебе определенную сумму денег, я просто покрываю твои расходы на колледж в следующем учебном году. У тебя, вероятно, есть пять месяцев до того, как учеба снова начнется. В плане А ты, в конечном итоге, накопишь порядка трех тысяч шестисот долларов, которых может хватить на оплату твоего обучения и учебников, но в любом случае, у тебя будут деньги. Даже если ты решишь не посещать колледж, у тебя будут деньги. С планом Б, если ты решишь вернуться в колледж, тебе, вероятно, будет лучше, потому что я обещаю покрыть все твои расходы за весь учебный год. Тебе нужно выбрать, что тебе наиболее подходит.

Мой разум работал со скоростью больше мили в секунду. Я была готова договориться о том, сколько раз в неделю мне придется трахаться с ним. Любой план казался мне прекрасным, у меня не было возможности проиграть. И на этот раз я не возражала против того, чтобы спать с человеком, делающим мне такое предложение.

— А как отнесется к этому миссис Мэтьюз? — спросила я. По выражению его лица я поняла, что сильно облажалась. Менее чем за секунду он превратился из очень близкого к себе прежнего «я» обратно в сломленного человека, которого я видела в переулке прошлым

вечером. На самом деле было даже хуже, потому что прошлым вечером он, по крайней мере, был пьян.

— Мне очень жаль, — быстро сказала я. — Я не знаю, что я сказала такого, что причинило вам боль. Если вы объясните мне, я больше никогда этого не скажу.

— Мона, Мириам бросила меня несколько месяцев назад, — сказал он. — Без нее я — просто ничто. Думаю, именно поэтому я и начал пить. Я представляю, что это делало со мной. Я знаю, что это неправильно, но мне было плевать. Я не хотел быть среди людей. Я не хотел пытаться получить помощь, я просто хотел...

— К черту! — резко сказала я. Я была зла. — Я ненавижу эту суку. — Когда я сказала это, то на самом деле не знала, говорю ли я о его жене или о своей матери. Обе они были действительно тупыми сучками, которые просто не знали, насколько хорошо у них все было. Они обе выбросили то, за что большинство женщин готово умереть.

Пока я кипела, он заговорил. Я позволила ему, потому что знала, что ему нужно выговориться.

— Мона, после прошлого лета, после того как закончился тур, и мы снова пошли в колледж, Мириам изменилась. Она старше меня на несколько лет, но это никогда не вредило нашим отношениям. Просто казалось, что ей все время было скучно. Она постоянно была груба со мной, что бы я ни пытался сделать. Я старался брать ее с собой в отпуск и на настоящие свидания. Это не имело значения. Я покупал ей подарки и всячески удивлял ее, что тоже не помогало. Я был рад предложить нам попробовать консультацию.

— Наконец, в начале октября я пришел домой, а она была не одна. С ней был большой парень. Он был моложе любого из нас. Я взглянул на него и сказал, чтобы он убирался к черту из моего дома. Она сказала, что это также и ее дом. Поэтому я предложил ей показать мне то место, где в ипотеке указано ее имя. Она сказала, что это не имеет значения, он уйдет, но она в любом случае уйдет с ним. Ей требуется отдохнуть от меня и моей утомительно нормальной жизни. Она устала жить по правилам и делать одно и то же снова и снова день за днем

— Я был шокирован, — сказал он. — Она просто взяла сумочку и вышла вместе с ним из дома. Она сказала, что позвонит, когда будет готова вернуться домой.

Он выглядел так, словно собирался заплакать, даже когда рассказывал мне эту историю. У него был друг, юрист, помогавший ему улаживать дела. Он получил запретительный судебный приказ против нее и ее приятеля, чтобы они больше не могли войти в его дом. Он попытался подать на развод, но в нашем штате было слишком много сковывающих цепей, чтобы перепрыгнуть через большинство законов. Он мог подать на то, что она ушла. Он так и сделал, но, до тех пор пока она не будет отсутствовать в течение года, его развод не станет окончательным. Ее не было уже шесть месяцев, но два месяца ему потребовалось, чтобы попасть в суд, так что, еще предстояло ждать восемь месяцев. Первую пару месяцев он сходил с ума. Он сидел у телефона, надеясь, что она позвонит, и вечер за вечером разочаровывался. Потом он начал пить, и с тех пор до сего дня спивается до безумия.

— Ты что, тупой или что? — спросила я его.

— Мона, ты когда-нибудь любила? — спросил он меня.

— Черт возьми, нет! — фыркнула я. — Никогда не любила и не собираюсь. Любовь оглушает.

— Тогда, пожалуйста, не суди меня, — сказал он. — Пока ты не испытаешь, каково это — так сильно заботиться о ком-то, ты просто не можешь представить, через что возможно пройти, чтобы сохранить ее.

— О, профессор, — сказала я, — я видела вашу историю и раньше. И точно знаю, чем она заканчивается.

Я рассказала ему о моем отце и матери и о том, что случилось с ними обоими. Он лишь покачал головой. И потрясенно посмотрел на меня.

— Я точно знаю, что чувствовал твой отец, — сказал он.

Я сразу поняла, что не позволю Брэндону пройти по этому пути.

— Я принимаю план Б, — сказала я. — При одном условии.

— Каком? — спросил он.

— Мы сегодня же едем за продуктами, — сказала я. — В этом доме нет ничего, кроме спиртных напитков и готовых ужинов быстрого разогрева, а все спиртные напитки я выбросила.

— Принято, — сказал он.